

МУЗЫКА СОЖДЕ

СНЕЖНАЯ ПТИЦА

18+

Снежная Птица
Музыка дождя

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Птица С.

Музыка дождя / С. Птица — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Настоящий воин-сириалец носит на теле шрамы от ран, полученных в битве, но никак не уродливые следы от ожогов, да еще и с такой историей, как у Йена из дома Арталяр. И от насмешливо-жалостливых взглядов и фальшивого сочувствия Йен бежит в отдаленное поместье в эльфийской провинции Садрас. И получает в дар рабыню-эльфийку, изящные пальцы которой могут с одинаковой ловкостью перебирать струны лиры и орудовать смертоносным катаром. В прошлом обоих скрываются мрачные тайны, но самая мрачная тайна ожидает их в будущем. Автор обложки - Sterre Sileas

© Птица С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Снежная Птица «Музыка дождя»

Обложку рисовала

[Sterre Sileas](#)

Горячая вода должна была обжечь, но грубые рубцы опять не пропустили ни единого ощущения. Йен вздохнул и заклинанием слегка остудил воду, прежде чем продолжить умывание. Широкий багровый рубец змеился по левой щеке, пересекал шею и спускался на грудь. А если расстегнуть рубашку, можно увидеть, как красная змея ожога опоясывает правое плечо и грудь. Память о пожаре, которую не смогли убрать даже лучшие целители Тейвена, столицы Сириальской империи.

Память о позоре, который ему и так не позволят забыть.

А матушка уже зовет его спустится к гостям. Дома очередной прием. Жених сестренки Торани погиб в Маттии, а ей меж тем уже пятнадцать, самая пора выдавать замуж, и семья срочно ищет нового жениха.

Он бы с удовольствием просто не пошел бы на этот прием, но отец настоял, что на приеме должны быть все. Традиция. Такая же традиция, как та, что мужчины и женщины на подобных приемах сидят в разных комнатах, собираясь вместе только для ужина. Но все знают, что многие женщины, которым стало дурно и многие мужчины, выходящие покурить, встретятся в коридорах дома и займутся именно тем, от чего должна оберегать традиция разводить гостей по разным комнатам. Но ведь никому не нужно ничего настоящего. Лишь видимость. Видимость любви, дружбы, верности и праведности. Видимость жизни.

И вот чего Йену ни за что не простят – того что в том пожаре и страшной ночью после него он был настоящим. Не простят и будут оскорблять, отпускать колкости, высказывать фальшивое сочувствие. И при этом держатся в рамках этикета, так что даже на дуэль не вызовешь.

Мужчина набросил поверх рубашки свободную накидку и вышел из комнаты. Он выдержит этот вечер. Ради памяти Рианнон.

Прием тянулся и тянулся. Лица гостей сливались в бледные пятна, их разговоры казались назойливым гулом насекомых. Приличные разговоры о погоде и о здоровье. Намеки на общеизвестные сплетни. Чопорно-отстраненные приветствия тайных любовников. Маски, игры, спектакли. Многие сетовали на падение нравов в столице. Вот только большинство сетующих приложило много усилий к этому падению.

Напротив Йена, за столом, сидела робкая молодая женщина, новоиспеченная жена кузена Альтера. Вчерашняя девушка, запертая в родительском поместье с дня, когда её Зверь впервые проявился и до свадьбы, она чувствовала себя не в своей тарелке на многолюдном приеме. Но когда Йен ободряюще улыбнулся ей, гордо вздернула носик и отвернулась. Все с ней ясно, угождает мужу и свекрови, которая считает Йена позором для всего рода. Впрочем, ему какое ему дело до метаний невестки?

Наконец ужин закончился, и гости разделились. В одной комнате женщины должны были заняться рукоделием и сплетнями, а в другой мужчины собирались играть в кости и тоже сплетничать. Время от времени кто-нибудь из гостей под благовидным предлогом исчезал за дверью. Потом возвращался. Все дружно делали вид, что не понимают, куда он ходил. А меж тем матушка Йена с утра приказала открыть несколько гостевых комнат и убратся там, “потому что иначе мне все клумбы в саду испортят”.

А где-то в глубине дома заперта малышка Торани. Она уже два года не выходит в сад без присмотра и в город выходит только по велению матери и в её же сопровождении не чаще раза в неделю. Она не знает, чем занимаются в гостевых комнатах ее возможные женихи. Боги Чернолесья, да она едва ли знает откуда дети появляются на свет!

Когда Йену окончательно стало тошно, он тоже вышел в сад, ловя на себе насмешливые взгляды. Порыв начать оправдываться и объяснять, что он действительно в сад, удалось придушить как до того – порыв набить морду нескольким особо наглым типам с особо мерзкими ухмылками. Йен ушел, ничего не сказав.

В саду сладко пахли цветущие апельсиновые деревья и душистый горошек. Но воздух все равно был чище, чем в доме. Во мраке, который разгонял лишь свет из окон дома, получилось успокоиться довольно быстро. Но все же хватит с него приемов и гостей. Дань традиции отдана, можно возвращаться в свою комнату. Или сразу собраться и уехать из родительского особняка к себе?

Внутри за ребрами и одновременно где-то вне тела одобрительно рявкнул Зверь. Да, мысль хорошая, только бумаги, оставленные в комнате нужно забрать...

Ну и конечно же он встретил возле лестницы очередную гостью, которой стало дурно от вышивания.

– Ах, простите, вы не могли бы мне помочь? – сладко пропела женщина, как только увидела кто идет навстречу. Причем она увидела, потому что лицо Йена освещал небольшой закрепленный на стене фонарик, а сама гостья держалась в полумраке, так что мужчина не видел её лица, лишь рассмотрел аккуратно уложенные золотистые локоны и коралловое домашнее платье с коротким рукавом. Верхнего платья-накидки с длинными рукавами, положенного для прогулок и появления в гостях, на ней не было, только палла, легкая расшитая цветочным узором накидка в виде широкого платка.

– Чем могу быть полезен? – холодно спросил он.

– Я... заблудилась в доме, – ворковала гостья, – эти коридоры и крытые галереи такие запутанные. Но вот я встретила вас, вы не могли бы сопроводить меня... – женщина замолкла на полуслове, но красноречиво повернула голову в сторону ближайших дверей. Конечно же, это были двери гостевой комнаты.

Йен сдержался, чтобы не поморщиться. А ведь было время, когда он в ответ на приглашения друзей сходить в дом терпимости, отвечал “Зачем платить за то, что можно получить безо всяких денег?”.

Тогда его улыбка и общее обаяние позволяли забираться в окна к молодым вдовам, чужим жёнам и даже к запертым в родительских домах девицам на выданье. И список любовных побед второго сына главы дома Арталяр, если бы его кто-то записал в свитке, был бы не менее внушителен, чем список его подвигов на войне.

Когда же он пресытился подобными играми? Когда ворвавшись в горящий дом увидел изнасилованную Рианнон с перерезанным горлом? Или тогда, когда за месть насильникам от него отвернулись все, даже родные и друзья?

Общество считает, что сириалец может позволить себе развлекаться в постели с рабыней. Может даже купить рабыне дом в пригороде и позволить ей жить там, словно свободной женщине. Если, конечно, позаботится о том, чтобы держать подобное извращение в тайне.

Но вот чего общество не может позволить и простить, так это попытки собственноручно спасти рабыню из горящего дома. И попытки едва исцелив тяжелые ожоги отомстить её насильникам и убийцам. Двоих он все-таки покалечил. Третий сбежал.

Это общество приняло как вызов. И стало поливать бунтаря презрением. Страшно представить какова была бы их реакция, если бы они узнали правду...

– Увы, – Йен повернулся, чтобы уйти. – У меня нет на это времени.

Женщина позволила палле соскользнуть с плеч и повиснуть на локтях. Стало видно, что в ее домашнем платье не просто короткие рукава – их вообще практически нет. Точнее, есть лишь один, а прикрытый ранее паллой вырез на груди, более чем откровенен. И подчеркнутая тонкой полоской кружева высокая грудь приковывает взгляд даже в полумраке.

– Неужели я, истинная сириалка, недостаточно хороша для вас? – издевается. Знает эту грязную сплетню о нем и Рианнон. Впрочем, ее все знают. В крови закипело бешенство и желание немедленно уйти сменилось другим.

– Что вы, – ласково промурлыкал Йен, делая шаг вперед и подходя вплотную к гостье. – Напротив, вы так обворожительны, что боюсь до кровати мы не дойдем.

Он толкнул женщину в дверь и уже там, гостевой комнате, освещенной лишь косым лунным лучом, пробивающимся из-за штор прижал к стене. Как раз в пятне луча, осветившем золотистые волосы, коралловое платье и нежно-розовую кожу незнакомки.

Палла окончательно упала на пол. Тонкое полупелковое платье тоже уступило натиску, стоило лишь дернуть за шнуровку. Мужчина смял губы незнакомки в жестком поцелуе, одновременно лаская её грудь. С её губ сорвался стон, и женщина попыталась теснее прижаться к нему бедрами.

Ты ведь этого хочешь, не правда ли? Ради этого предлагала себя мужчине в темном коридоре, словно продажная девка? Ради того, чтобы тебя взяли вот так жестко и безжалостно, подчинили и отымили как шлюху? Что ж, хорррошо! Как угодно госпоже.

Йен потянул вверх юбку её платья, присобрав ткань у четко очерченной узким пояском талии; наклоняясь, провел языком по соблазнительным округлостям груди над линией выреза, добившись очередного стога. Верх платья упал к поясу стоило лишь вновь провести ладонью по груди незнакомки, покрутить соски через ткань нагрудной повязки, а затем сорвать и ее, впиваясь губами в затвердевший сосок.

Длинная и узкая нижняя сорочка, так легко поддавшаяся сверху, никак не желала так же легко пропускать руки мужчины к бедрам своей хозяйки. В конце концов разъяренный Йен просто рванул сорочку обеими руками. Жалобно затрещала ткань и его руки наконец скользнули к горячему, влажному лону.

Женщина жалобно всхлинула, подаваясь к нему бедрами. Йен огладил мокрые, гладкие лепестки и скользнул внутрь, сначала одним пальцем, затем двумя. Ладонь другой руки легла на шею гостьи и совсем легонько нажала.

На него взглянули серые глаза, уже подернутые поволокой и горящие в полумраке комнаты. Припухлые губы исторгли жалобный и в то же время требовательный вскрик. Пальцы заскользили быстрее, настойчивее, пока женщина не откинула белокурую головку и не содрогнулась в экстазе, закусив руку, чтобы сдержать крик.

Несколько мгновений – и когда стихли отголоски наслаждения, женщина обмякла, падая Йену на руки. Он швырнул ее на пол, застланный пушистым ковром и навис сверху. Незнакомка позволяла себя целовать, и он целовал – ненасытно, жестко, грубо, удушливо. Терзал ее тело пальцами, а её губы – своими, пока расслабленная после вспышки женщина вновь не напряглась под ним. А в серых глазах вновь расцвела и закипела страсть, жадная и неутолимая. Её горячие ладони скользнули по его плечам к мускулистой груди, пальцы задержались на сосках, потеряли их, а затем двинулись вниз по рельефным мышцам живота, уверенно коснулись твердого бугра в паху... Ну уж нет, первую партию в этой игре будет вести не ночная гостья.

Йен перехватил узкие запястья одной рукой, вжимая руки женщины в ковер над её головой. В его сознании промелькнула довольная мысль о том, что наверняка на нежной розовой коже останутся синяки. В паху уже ломило от желания и наощупь расстегнув штаны, Йен стал проникать в обездвиженную незнакомку быстрыми глубокими рывками, грубо входя в податливое тело. Она вновь застонала, хрипло, давась воздухом, слабо попыталась шевельнуться и покорно затихла, принимая его яростную страсть.

Всего через несколько толчков незнакомка вновь обмякла, достигнув пика и Йен яростно вколачивался в безвольно лежавшую под ним женщину, пока сам не достигнул пика.

Через несколько мгновений, отдышавшись, мужчина приподнялся на локте и бросил быстрый взгляд на лежащую рядом незнакомку

Распластанная на ковре ночная гостья в задранном платье и порванной сорочке напоминала изломанную куклу. На один ужасный миг Йену в этом силуэте привиделась Рианнон, но женщина вновь сладострастно застонала и морок развеялся. Как он вообще мог спутать их? Пусть у них похожи фигуры и волосы одного золотистого оттенка, но Рианнон была самой светлой девушкой из всех встреченных им в жизни. Нет, она вовсе не походила на эту любительницу ночных приключений.

Мужчина встал, раздвинул шторы и еще раз взглянул на свою случайную любовницу. Стройные ноги, бедра, перепачканные следами их страсти. Приспущенное почти до пояса коралловое платье. В стороне валяется узорчатый ворох – нагрудная повязка из тонкой ткани, стремительно сорванная, чтобы оголить пышную грудь и соски с темными ореолами. Золотистые кудри, некогда уложенные в аккуратную “ракушку” – прическу замужней женщины – теперь растрепались и несколько локонов упало на грудь. И красивое точеное лицо, которое Йен наконец-то узнал, пусть и видел только раз.

Жена бывшего губернатора Садрагаса. Верная супруга и целомудренная женщина, которой так гордился муж. Далекая от того разврата, который все сильнее охватывает знать столицы.

Женщина вновь застонала и потянувшись, перевернулась на бок лицом к нему и оперлась на локоть. Лукаво улыбнулась Йену и взяв свою узорчатую нагрудную повязку, вытерла ее краем бедра, а затем коснулась ткани языком.

– Могу ли я надеяться на еще одну встречу? – ее голос звучал хрипло, губы, истерзанные его поцелуями раскраснелись и припухли, а глаза блестели. О, эта шлюха окатила бы Рианнон презрением при первой же встрече, уверенная, что уж точно выше, чище и достойней.

– Увы, нет, – Йен переступил через полулежавшую на ковре женщину и вышел в коридор.

На следующее утро он уже сидел в конторе стряпчего и обсуждал с ним все необходимые для отъезда детали.

– Так вы хотите уехать в Садрагас? – уточнял стряпчий, не отрывая взгляда от документов.

– Именно, – кивнул Йен, – У меня там имение и, думаю, пришло время проверить как оно.

– Да, вижу. Награда от его светлости императора за проявленный героизм в последней чемерисской кампании. Дом с садом в пол югера (полтора гектара – прим. автора.) площадью, водяная мельница, земли общей площадью пять сальтов (двенадцать гектаров – прим автора), рабы в количестве восьми эльфов и пятнадцати людей... Маловато рабов для такого большого поместья, вы не находите?

– Нет, – хмыкнул Йен, – Две трети выделенной мне для поместья земли еще предстоит отвоевывать у джунглей.

Стряпчий покачал головой и продолжил занудно перечислять все, что принадлежало Йену в далеком Садрагасе. Мужчина даже устал слушать. Наконец стряпчий подписал необходимые для поездки бумаги, посетовал на то, что в Садрагасе неохотно принимают векселя и попытался начать пространственный разговор о погоде, но его посетитель забрал свои бумаги и ушел.

Зверь внутри только что не приплясывал от нетерпения и Йену вспомнилась легенда о Чернолесье, прародине сириальцев. Когда-то их предки жили в огромном лесу, пересечь который напрямик от края до края можно лишь за несколько месяцев. В том лесу до сих пор обитают их боги, а сами сириальцы покинули его много веков назад, чтобы стать властителями самой огромной империи в мире.

Но случилось, что у кого-то из его народа бунтовал Зверь – вторая ипостась каждого сириальца, чье изображение проступает на спине подростка и с тех пор два обличья нераз-

лучны. Но случается, что Зверь начинает перехватывать контроль у человеческой ипостаси и пытается сбежать в Чернолесье, чтобы навсегда скрыться под кронами вековых деревьев. Эту болезнь называли Звериным безумием и помнится, было время, когда Йен страстно желал для себя такого безумия. Исчезнуть из этого мира – чем не выход для впавшего в немилость отпрыска рода Артальнар?

Но его собственный Зверь, увы, безуметь не спешил, а теперь и вовсе рвался в джунгли Садрагаса. Да уж, а чего ещё ждать от тигра?

Он так и не попрощался с родными, но, честно говоря, жалел только о Торани. Сестренка единственная у кого не хватало то ли мастерства, то ли желания лгать ему словами или жестами. Нет, Торани не поняла и не приняла его поступка (что не странно, учитывая то, какую отредактированную версию выдали ей родители, заботясь о ранимых душах невинных девиц), но она единственная была с братом искренней, не пряча чувства под маской. И это подкупало.

Немного жалко девочку, ведь зная родителей, меньше всего они в своих поисках достойного жениха будут думать о благополучии дочки. Но и к сыну не прислушаются, увы. И уплыть в далекую провинцию – действительно лучший выход. Тем более, что в приграничном Садрагасе его уже год дожидается подаренное поместье. Управляющий, наверное, уже надумал озолотится, следует разрушить его чаяния.

Ситарэль каждый день благодарила судьбу за то, что в обители Девы успела научиться играть не просто хорошо, а великолепно. Благодаря этому каждый раз, когда хозяину вечером хотелось поразвлечься, она брала в руки лиру или флейту, а не начинала танцевать полуобнаженной, как другие рабыни. Нет, конечно, это не защитит ее, вздумай хозяин позвать к себе именно Ситарэль, но о ней часто просто забывали. О музыканте вообще легко забыть, особенно об эльфийском музыканте, который растворяется в собственной мелодии.

Ей очень хотелось быть невидимой.

Сегодня хозяину в очередной раз вожжа попала под хвост, и он велел одеть всех домашних рабынь в сари из полупрозрачного дымчатого шелка, да ещё и без нижних юбок. Ситарэль сумела исхитриться и надеть нагрудную повязку из блестящего сатина, а на свои узкие бедра намотать сари в несколько слоев так, чтобы прикрыть наготу хоть немного. Все же три года рабства не отучили ее от стыдливости. Только научили виртуозно прятать свои чувства, скрывая их ото всех. Полезное умение для рабыни. И не только для рабыни.

Последние несколько дней хозяин был увлечен своим новым приобретением, смуглой чемерисской девушкой, с аккуратными черными рожками в каштановых кудрях. Именно эта девушка сидела на коленях возле его кресла, пока остальные танцевали, а Ситарэль добывала из струн лиры размеренную мелодию. Девушку звали Нармин, “мягкая” и она действительно соответствовала своему имени, мягкая и покорная воли хозяина. Ситарэль лишь качнула головой и перевела взгляд на танцующих рабынь. Четыре. То есть всего их сейчас в малой гостиной шесть – почти весь гарем господина Аржена Тийдела. С чего бы это...?

Долго гадать не пришлось, потому что в дверь заглянул помощник хозяина, сириалец и единственный свободный слуга в этом поместье.

– Господин, ваш гость прибыл.

– Отлично. Позови его сюда и вели принести вина, – махнул рукой Аржен.

Слуга удалился, а через минуту пришел гость.

Ситарэль не удержалась и посмотрела на вошедшего. Среднего роста, немного ниже Аржена, широкоплечий, с упрямой линией подбородка, темно-русыми волосами и шрамом от ожога на левой щеке. Уродливый багровый шрам начинался у внутреннего уголка глаза, пересекал всю щеку и скрывалась под воротом рубашки. Гость с грацией опасного хищника поклонился хозяину и занял указанное ему кресло. Мужчины завели негромкий разговор, а

Ситарэль вновь погрузилась в музыку, как щитом отгораживаясь мелодией от мира. Пока не почувствовала пристальный взгляд, пробившийся сквозь этот щит.

– Хороша, да? – слышался голос хозяина и эльфийка бросила в их сторону быстрый взгляд. Незнакомец буквально пожирал ее глазами, что не укрылось от господина Тийдела. – Я сам за нее целое состояние отдал. Черноволосые эльфийки, да ещё и такие юные – большая редкость.

Ещё бы им не быть редкостью. Черноволосые – Варна воинов, а воительницы скорее шагнут в огонь Девы, чем попадут в рабство. И конечно же, большинство так и поступает.

– Но эта не только редкий цветочек, она ещё и многому обучена, – продолжал Аржен. – Умеет играть на лире и на флейте. На [любой] флейте. – хохотнул мужчина. – И на кожаной тоже.

Ситарэль понадеялась, что ее вспыхнувшие ушки никто не заметил. Хозяин все продолжал превозносить на удивление многочисленные таланты своей рабыни, гость молчал, а эльфийка вновь скользнула следом за мелодией арфы, стараясь забыть обо всем.

Ей это удалось даже слишком хорошо. Настолько хорошо, что она очнулась только через час, когда господин Тийдел увел своего гостя куда-то. И ее, и танцовщиц отпустили, и девушка ушла в сад. Долго бродила между цветущих кустов, потом забрела в беседку, заплетенную густым клематисом. В той же беседке ее и нашла поздним вечером одна из горничных поместья.

– Ситарэль, тебя зовет хозяин.

Она прекрасно знала, что это значит. И для чего хозяин зовет к себе наложницу вечером. Но не угадала.

– Милая Ситарэль, – почти мурлыкал хозяин, – Ты очень понравилась моему сегодняшнему гостю. И ты пойдешь к нему сегодня ночью.

Да, это была сириальская традиция – дарить гостю на ночь одну из наложниц. Иногда даже двух. Но никогда ещё этот жребий не падал на нее. Всегда находились более красивые. Более умелые. Умеющие ублажить мужчину, а не смотреть в потолок пустым взглядом. Как Нармин, к примеру, которая льнет к хозяину, словно кошка, у Ситарэль так не получилось бы, даже если б от этого зависела ее жизнь.

Неужели этот гость такой ценитель музыки?

Аржен Тийдел вплотную подошел к девушке, встал за ее спиной и скользнул рукой под сари. Сперва провел по животу, потом опустился ниже, под узел сари. Ситарэль окаменела.

– Видишь ли, милая моя, – как ни в чем ни бывало продолжил хозяин, – Это очень важный гость. И я хочу, чтобы он остался тобой доволен. И чтобы ты ооочень постаралась ему угодить, а не вела себя, как снулая рыба.

– Да, хозяин. – глухо ответила девушка, – Я все исполню.

– Конечно, – мужчина ущипнул ее за внутреннюю сторону бедра – Ты все исполнишь, я об этом позабочусь.

Он намотал черные волосы эльфийки на кулак, вынуждая ее запрокинуть голову, а другой рукой поднося к ее губам небольшой флакончик. Ситарэль попыталась сжать губы, но хозяин снова дернул ее за волосы и тошнотворно сладкая жидкость потекла по языку.

– Это “Вишневый туман”, слышала о таком? Нет? О, всего лишь одно чудное зелье, способное сделать страстную любовницу даже из такого очаровательного бревнышка, как ты. Сейчас тебя будет сжигать желание, ты будешь молить о близости и с готовностью исполнишь все, что от тебя потребуют, лишь бы тебя отымели в твою влажную дырочку.

Ситарэль вздрогнула. Низ ее живота действительно пронзила болезненная судорога, а по венам разлился жар. Все мышцы напряглись, а кожу будто бы покалывало от нестерпимого желания прикосновений. То страшное чувство, когда в тебе не остается собственной воли.

– Иди, – открыл дверь господин Тийдел, – Тебя проводят до комнаты гостя. И не разочаруй его. – в его голосе ощутимо слышалась угроза.

Ситарэль шла за горничной на ватных ногах. Сознание плыло, перед глазами стоял туман. И цвет у тумана действительно был вишневый. Она чувствовала, как от жара внутри тела вспыхнули ее всегда бледные щеки. Ужасное чувство, когда собственное тело тебе больше не принадлежит.

А вот и комната гостя. Распахнутая дверь из лакированного дуба, полумрак, тяжелые портьеры на окнах... И сам сириалец, склонившийся над столом. Да уж, ему ведь не нужен свет, ему достаточно полумрака. Как дикому зверю...

И сейчас она переступает порог логова этого зверя. И будет принадлежать ему. И делать все, что он пожелает, потому что наркотик не оставил в ней больше ни единого желания. Не оставил ни гордости, ни чести. Только пьяную страсть и жажду отдаться тому, кто только прикажет ей.

Мужчина поднялся из-за стола и повернулся к эльфийке. Она рискнула мимолетно заглянуть ему в глаза и сердце Ситарэль упало куда-то глубоко, под пол, а то и под фундамент дома. Даже с этим уродливым шрамом на лице мужчина был очень красив. Не просто красив – от него веяло властной харизмой, такой сильной, что хотелось покориться ему безо всякого наркотика. Девушка сглотнула и поклонилась.

– Зачем ты пришла? – спросил глубокий бархатный голос, в котором слышались роко-чущие нотки.

– Господин Тийдел отправил меня к вам, чтобы развлечь вас этой ночью, – поклонилась Ситарэль, хотя ноги у нее мелко дрожали.

– Действительно? – теперь в голосе слышался не рокот, а мурлыканье и девушка почувствовала, как что-то внутри нее начинает вибрировать в ответ на это мурлыканье.

– Дааа, – протянула она, чувствуя, как между бедер вспыхивает пожар, а соски трутся о ткань нагрудной повязки и сжимаются в горошины.

Мужчина крепко схватил ее пальцами за подбородок и приблизил лицо к своему. Ситарэль опять заглянула в его черные, будто две бездонные пропасти, глаза и облизнула пересохшие губы.

– И чем же тебя напоили? – его голос опять изменился. Уже не рокот, а раздраженное, сердитое рычание.

– Вишневым туманом... – прошептала Ситарэль. Голос её дрожал, и она уже не понимала от страха или от возбуждения. Грудь жалобно ныла, требуя прикосновения, а по бедру скатилась капелька возбуждения.

– Значит, Вишневый туман. – протянул сириалец и провел большим пальцем по контуру её губ. Затем одна его ладонь скользнула по спине эльфийки, а вторая коснулась места на шее, где билась жилка. И мир провалился во тьму.

Он наивно думал, что самым трудным в путешествии будет плавание. Но как оказалось, почти месяц на корабле и пять дней путешествия через горы и джунгли – мелочи по сравнению с тем, что ожидало Йена в поместье.

Нет, управляющий не зарвался – он вообще был тих, скромен и уверял, что украл за год всего десять золотых. Нет, его дом оказался добротной усадьбой, а не бамбуковой хижинкой, а расчищенных от джунглей земель было приблизительно столько же, сколько Йен и предполагал.

Дело было в рабах.

Они держались так сплоченно, что становилось ясно с первого взгляда – проступок или преступление одного из них другие не выдадут ни за что. А в случае подлянки хозяину ещё

и помогать станут. Очень бесстрашные рабы, что мужчины, что женщины, с таких станется пустить в господский дом красного петуха.

И самое странное – главным среди них был рыжеволосый эльф.

Эльфы делят самих себя на четыре Варны, то есть, Призвания. Считается, что Призвание дано свыше Великой матерью и определяется с рождения, цветом волос.

Беловолосые эльфы – Варна Служителей, они становятся жрецами. Черноволосые – Воители, становятся воинами, знатю. Именно эльфы из Варны Воителей правили когда-то Садрагасом и сейчас правят мелкими княжествами, которые Сириальская империя ещё не успела захватить. Третья Варна – Искусники. У них русые волосы, и они занимаются ремеслами, искусством и магией. Четвертая – Дарители с каштановыми волосами. Торговцы, слуги, крестьяне – те, кто дарит свои жизнь и силу своему господину, земле или же творениям чужих рук.

А ещё у эльфов изредка рождались рыжеволосые дети. Они не принадлежали ни к одной Варне и считалось что их Великая Мать лишила Призвания в этом перерождении за страшное преступление в предыдущем. Рыжеволосые эльфы были изгоями, даже собственные родители недолюбливали их, зачастую, не давая имен. А среди рабов Йена верховодил именно рыжеволосый эльф и его слушались (это было видно) и люди, и русоволосые эльфы, и две эльфийки с каштановыми волосами.

И с этой странностью ему придется разбираться самому, потому что управляющий попросил расчет в тот же день, когда ввел хозяина в курс дел поместья. Старик был так напуган и так жалобно просил его уволить, что Йен сжалился. И в тот же вечер вызвал к себе рыжеволосого раба.

Лицо эльфа было холодным и бесстрастным, рыжие волосы старательно уложены в воинскую косу – будто вызов рабскому клейму, как и серая рубашка. Мало кто из хозяев в жарком Садрагасе тратился на рубашки для рабов. А у него в поместье все расхаживают в рубашках (мужчины) и хороших сари (женщины). Ох, чем же так запугали старика управляющего, раз из него за год сумели выбить хорошую одежду? Да и выглядят его рабы гораздо лучше, чем виденные по дороге сюда, и что-то подсказывало Йену, что об их здоровье и благополучии позаботился отнюдь не управляющий.

Рукава рубашки были закатаны и на левом предплечье рыжеволосого было видно три зеленые полосы – знак Девы, самой жестокой и безжалостной из трех великих эльфийских богинь.

– Не знаешь почему мой управляющий так напуган? – прямо спросил Йен.

Эльф невозмутимо пожал плечами, даже не пытаясь изобразить рабскую покорность:

– Проворовался, наверное. Мне-то откуда знать?

И в таком духе отвечал минут десять, пока Йен не вызверился окончательно и не рыкнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.